

Джек
ЛОНДОН

*Джон
Ячменное Зерно
Дорога*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 76

Jack London
JOHN BARLEYCORN. THE ROAD

Перевод с английского
Виктора Азова, Ревекки Гальпериной,
Андрея Степанова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

© Р. М. Гальперина (наследник), перевод,
2023
© А. Д. Степанов, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-23050-7

*Джон
Ячменное Зерно*

ГЛАВА I

Все это случилось однажды в день выборов. После полудня я выехал из ранчо, спустился в Лунную Долину и направился в маленькую деревушку, чтобы голосовать *за* или *против* ряда поправок к конституции штата Калифорния. День был жаркий, и я несколько раз выпил до голосования и много раз — после. Затем, поднявшись на покрытые виноградниками и лугами холмы, я приехал на ранчо, когда уже была пора ужинать, и снова выпил перед ужином.

— Как вы голосовали: за женское равноправие или против? — спросила меня Чармиан.

— Я голосовал *за*.

Она вскрикнула от изумления. Да будет всем известно, что в дни моей юности я, несмотря на свой пылкий демократизм, не сочувствовал идее женского равноправия. Даже в позднейшие годы я относился к этой неизбежной социальной реформе без всякого энтузиазма.

— Но почему же вы голосовали *за*?

Я начал отвечать подробно и с раздражением. Чем больше я объяснял, тем больше сердился. (Нет, я не был пьян. Лошадь, на которой я ездил, недаром звали Разбойник. Хотел бы я видеть пьяного верхом на этой лошади!)

И однако... как бы это лучше сказать? Я был возбужден, чувствовал себя хорошо, был в приподнятом настроении.

— Когда женщины добьются избирательного права, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков, — сказал я. — Только женщины — жены, сестры и матери — смогут вбить гвоздь в гроб Джона Ячменное Зерно.

— Но мне казалось, что вы в дружбе с Джоном?.. — заметила Чармиан.

— Я его друг. Я был его другом. А теперь нет. И никогда не был. Меньше всего я его друг в то время, когда он со мной и когда кажется, что я его друг. Он — царь лжи. Он — воплощенная правдивость. Когда бываешь с ним, то кажется, что находишься в обществе богов. Но он также в союзе и с Курносой. Его путь ведет к неприкрашенной правде и к смерти. Он обладает ясновидением и видит мутные сны. Он — враг жизни, он учит мудрости, потусторонней мудрости жизни. Он — убийца с окровавленными руками. Он — удалая молодость.

Чармиан смотрела на меня, и по глазам ее было видно, что она задается вопросом, где я успел так напиться?

А я все говорил и говорил. Я был взвинчен. Каждая мысль в моем мозгу сидела в своей маленькой клетке, словно присев на пороге у самой двери, как узник в камере, ожидающий, когда откроются двери. И каждая мысль была откровением, ярким образом, четким, не смешивающимся с другими. Мой мозг был озарен ярким, блестящим светом алкоголя. На Джона Ячменное Зерно нашел правдивый стих, и он охотно раскрывал через меня как посредника свое тайное «я».

Я был его оратором. Воспоминания прошлого воскресали в моем мозгу и вытянулись в ряд, как солдаты на параде. Мне оставалось только выбрать любое. Я вполне владел своими мыслями и находил как раз нужные слова. При мне был весь мой жизненный опыт, я безошибочно находил нужные мне факты и строил изложение. Так обманывает и издевается Джон Ячменное Зерно, причудливо изоцряя ум, нашептывая роковые истины и прорубая яркие просеки в монотонной обыденности.

Я обрисовал Чармиан мою жизнь, объяснил ей, какой я человек. Я доказывал ей, что я вовсе не потомственный алкоголик, что в моем организме нет и следа врожденного органического влечения к алкоголю. В этом отношении я рос нормальным человеком. Влечение к алкоголю было у меня благоприобретенное. С трудом приобретенное. Вначале алкоголь вызывал во мне какое-то отвращение, как любое лекарство. Мне и теперь не нравится его вкус. Если я пью его, то только за тот удар хлыстом, который он дает. Но между пятью и двадцатью пятью годами я не ценил в нем даже этого. И только после двадцатилетнего обучения мой организм до некоторой степени приспособился к нему, и я, преодолев отвращение, выработал привычку к алкоголю.

Я рассказал Чармиан, как в первый раз познакомился с алкоголем, как впервые напился, как я чурался его раньше, и объяснил ей, что приучила меня в конце концов к алкоголю главным образом его доступность. Алкоголь не только всегда доступен, но и всегда под рукой. Какой бы профессией я ни занимался — был ли рудокопом, матросом, торговал ли на улицах газетами или просто путешествовал по чужим краям, — я видел вокруг себя алкоголь.

Где бы и когда бы ни сходились люди, ради каких бы то ни было целей — для веселья, для обмена мыслями, для обдумывания какого-либо предприятия или просто для того, чтобы отдохнуть от изнурительного труда, всегда связывал, объединял их алкоголь. Местом сборищ для людей был кабак, как для их пещерных предков — костер.

Я напомнил Чармиан, как на островах Тихого океана ее не пускали в священные хижины, бывшие для женщин табу, нарушение которого каралось смертью. Лохматые канныбалы уходили туда от своих жен, чтобы попойнствовать и повеселиться на свободе. В молодости я часто искал в кабаке спасения от женской опеки; там я попадал в мир мужчин, где было больше простора и шири. Все дороги, полные романтических приключений, вели в кабак и оттуда расходились по всему свету.

— Суть в том, — закончил я свою проповедь, — что я пристрастился к алкоголю главным образом благодаря его доступности. Вначале я был к нему равнодушен и даже смеялся над ним, но в конце концов все-таки сделался пьяницей. Влечение к алкоголю прививалось мне в течение двадцати лет, а в продолжение остальных десяти оно пускало в моем организме все более глубокие корни. Однако удовлетворение этого влечения никогда не доставляло мне никакого удовольствия. По натуре я человек жизнерадостный и веселый, а выпив, становлюсь мрачным пессимистом. Но, — поспешил я добавить, как привык делать всегда, — надо правду сказать: Джон Ячменное Зерно правдив. Он говорит правду, срывая личину с истин, которые мы называем правдой жизни, и показывает, что они — ложь. В этом его сила.

— Это не улучшает жизни, — сказала Чармиан.

— Совершенно справедливо. В этом его трагедия. Он ведет к гибели, и поэтому я голосовал сегодня за женщин.

Я вспомнил свою жизнь, вспомнил, какую роль в моей привычке к алкоголю сыграла его доступность. Очень немногие люди рождаются алкоголиками. Я называю алкоголиками людей, у которых организм требует алкоголя и бессилен перед ним. Большинство пьяниц не только не чувствовали раньше влечения к алкоголю, но даже испытывали отвращение к нему. Ни первая, ни двадцатая, ни даже сотая рюмка не формирует еще привычки. Люди учатся пить так же, как они учатся курить. Но к пьянству привыкнуть труднее, чем к курению. Привычка к алкоголю обуславливается его доступностью. Это хорошо знают женщины, испытавшие все на собственной шкуре, — жены, сестры и матери. Когда женщины будут иметь право голоса, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков. Благодаря этому новое поколение не будет знать алкоголя и не будет испытывать влечения к нему, а следовательно, не будет и чувствовать лишения оттого, что его нет. От этого выиграют и мужчины — их жизнь станет полнее и содержательнее, и женщины, которые будут жить с этими новыми мужчинами.

— Почему вы не напишете книгу об этом в назидание грядущему поколению? — спросила Чармиан. — Чтобы жены, сестры и матери знали, за что им голосовать.

— «Воспоминания алкоголика»? — Я криво усмехнулся. Впрочем, скорее не я усмехнулся, а Джон Ячменное Зерно; это он подсказывал мне все эти благонамеренные софизмы, и именно он скривил мою улыбку в насмешку. Он любит такие шутки.

— Зачем вы так говорите? — перебила Чармиан, не замечая издевки Джона. — Вы ведь сами говорите, что вы не алкоголик, а всего лишь пьющий человек. Вы хорошо познакомились с Джоном Ячменное Зерно. Опишите это знакомство и назовите вашу книгу «Воспоминания об алкоголе».

ГЛАВА II

Вначале я попрошу читателя постараться понять, о ком и о чем я пишу, потому что, только поняв меня, он сможет проникнуться ко мне должным сочувствием. Во-первых, я должен сказать, что я не заядлый пьяница с врожденным влечением к алкоголю, я не дурак и не обладаю слишком сильным животным инстинктом. Я знаю все, что можно сказать о Ячменном Зерне, от альфы до омеги, и, напиваясь, прекрасно владею собою. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня укладывали спать. Короче говоря, я — обыкновенный, нормальный человек и пью, как все. В этом вся суть. Я хочу описать, как действует алкоголь на обыкновенного, нормального человека. Настоящих алкоголиков, маньяков пьянства, которых сравнительно мало, я касаться не буду.

Пьющие делятся на два типа. Тип первый, всем хорошо известный: это тупые существа, не одаренные фантазией, с оцепеневшими в оцепенелых причудах мозгами. Они ходят качаясь, широко расставив ноги, и обычно кончают тем, что сваливаются в канаву. Заканчивается это состояние тем, что перед глазами у них начинают мелькать розовые слоны и голубые мыши. Над пьяницами этого типа обычно оттачивают свое дешевое остроумие юмористические журналы.

Второй тип — люди с большим полетом фантазии, обладающие проницательностью. Походка у них твердая даже тогда, когда алкоголя ими принято предостаточно. Они никогда не выписывают вензеля, всегда устойчивы и никогда не теряют сознания. Опыянение касается только их мозга, но совершенно не властно над телом. Такой человек может быть веселым и остроумным; у него могут быть видения и фантазии космического масштаба, подавляющие своей железной логикой. В этом состоянии он срывает с жизни ее обманчивые покровы, и взорам его представляется скрывающее его дух железное кольцо необходимости. Это часть наивысшей власти Ячменного Зерна. Напиться до такой степени, чтобы упасть в канаву, — дело нехитрое и доступно каждому. Но страшно, когда твердо стоящий на ногах человек спокойно приходит к выводу, что единственный путь к освобождению — это ускорить свою смерть. Это час Белой Логик, когда человек понимает, что он может узнать лишь законы, которые управляют вещами, но что ему никогда не познать вещь в себе. Это для него час испытания. Он становится на тропинку, которая ведет прямо к могиле.

Он понимает все. Он знает, что все попытки разрешить проблему бессмертия имеют своим источником панический страх перед смертью, который еще увеличивает трижды проклятая сила воображения; люди не хотят умирать, им не хватает воли к смерти, когда час смерти уже наступил. Они обманывают самих себя и думают увильнуть от смерти; они обольщают себя надеждой, что жизнь будет продолжаться и по ту сторону могилы и что разложение и полное уничтожение — удел только бессловесных тварей. Но, когда человек находится во власти Белой Логик,

он понимает, что это самообман. Смерть равна для всех. Нет ничего нового под луной, даже этого мифа малодушных — бессмертия.

Он, стоящий твердо на ногах, знает, где источник этой утешительной идеи; он знает, что создан из плоти и костей, из солнечной энергии и космического праха, он — хрупкий механизм, которому дан в удел лишь один момент из вечности, и что, сколько бы ни заботились о нем доктора медицины и богословия, он все равно в конце концов будет брошен в яму.

Разумеется, все это душевная болезнь, отвращение к жизни. Человек, одаренный фантазией, платит дорогой ценой за свою дружбу с Ячменным Зерном. Человеку тупому гораздо легче: он только балдеет от алкоголя, теряет сознание и засыпает мертвецким сном, и сны, если они посещают его, нелепы и бессвязны. Но человек, одаренный полетом фантазии, подпадает под власть роковых силлогизмов Белой Логики. Он видит жизнь, какой видел ее немецкий философ-пессимист. Иллюзии для него прозрачны: он видит сквозь них. Переоценивая все ценности, он добро называет злом, истину — ложью, а жизнь считает шуткой. Стоя на холодных вершинах безумия, он с уверенностью Бога утверждает, что жизнь — зло. При спокойном, холодном свете Белой Логики жена, дети и друзья кажутся ему призраками, фикцией. Он замечает в них слабость, злобу и мелочность. Он не поддается на обман этих мелких, ничтожных эгоистов, живущих один час, как мельгешащие мотыльки. Они — несвободны, они — марионетки в руках случая. Таков же и он сам. Разница между ними только в том, что он это видит, знает это. Кроме того, он знает, что его свобода — только право добровольно умереть. Такое сознание не может принести пользы человеку, которому нужно жить,

любить и быть любимым. Логическое следствие такого состояния — самоубийство — моментальное, от нажима курка, или медленное угасание, растянутое на несколько лет; вот чем расплачиваются друзья Ячменного Зерна за свою дружбу с ним, и никому не удается увильнуть от этой расплаты.

ГЛАВА III

Впервые я напился, когда мне было пять лет. Это было летом. Отец мой пахал в поле, и меня послали из дому отнести ему кувшин с пивом. Когда я уходил, меня снабдили инструкцией: «Смотри же, не расплещи пиво».

Я очень хорошо помню этот кувшин, узкий снизу и широкий сверху и без крышки. Пока я шел, пиво плескалось и обливало мне ноги. Дорогой я думал: пиво стоит дорого, значит, оно очень вкусное, поэтому родители не дают мне его; я уже знал на опыте, что взрослые часто не дают мне того, что вкусно. Следовательно, пиво тоже вкусное, и старшим это известно. Кувшин переполнен, и пиво выливается зря. Какой в этом смысл? Не все ли равно, выпью я его или оно перельется через край? А о том, что я выпил, все равно никто не узнает.

Сначала мне попала в рот пена, но она мне не понравилась: должно быть, не пена играет в пиве главную роль. Тут я вспомнил, что взрослые всегда сначала сдувают пену; тогда я окунул лицо в кувшин и стал пить густую жидкость.

Пиво мне не понравилось, но я продолжал пить. Раз взрослые пьют, то должно же это быть вкусно. Я пил его, как пьют лекарство, с отвращением. Много ли я выпил, не знаю, но спустя некоторое время

я встал и пошел дальше. Я чувствовал тошноту, но думал, что, очевидно, приятное ощущение появится после. Поле, на котором работал отец, находилось в полумиле от дома, и я не один раз еще присаживался и отпивал из кувшина. Увидев, что пива осталось немного, я стал мешать его палочкой, чтобы оно вспенилось. Действительно, на пиве появилась пена, и кувшин снова казался полным.

Отец не заметил моего обмана, с удовольствием выпил пиво и опять стал работать, как и подобает вспотевшему от жары работнику. Я пробовал пойти с ним, рядом с лошадьми, но покачнулся и упал. Отец натянул вожжи, и лошади едва не раздавили меня. Потом он рассказал мне, какой опасности я подвергался: мне чуть не распорол живот лемехом. Я как во сне помню, — отец на руках отнес меня и положил в кустарник, как все кружилось перед моими глазами, помню ощущение мучительной тошноты, смутное сознание какого-то нехорошего поступка.

Я проспал до вечера. Отец разбудил меня, и я с трудом побрел за ним домой. Все члены мои точно налились свинцом, а в желудке что-то переливалось и било в нос. Я чувствовал себя отравленным. Да, действительно, это и было отравление.

Время шло, и я думал теперь о пиве то же, что и о плите, о которую я однажды обжегся. Взрослые говорят правду, что пиво — не для маленьких. Взрослые не боятся его, но они не боятся и никаких лекарств — ни пилюль, ни касторового масла. Мне не нужно пиво. И я, разумеется, так и не пил бы никогда ни пива, ни вообще алкоголя в каком бы то ни было виде, если бы не обстоятельства. В том мире, где я жил, Джон Ячменное Зерно встречался мне на каждом шагу и дружески улыбался мне. Спасения от него не было.

К нему вели все дороги. И все же понадобилось двадцать лет близкого общения с этим негодяем, чтобы я смог так сильно привязаться к нему.

ГЛАВА IV

Во второй раз я встретился с Ячменным Зерном, когда мне исполнилось семь лет. Причиной встречи был страх, а отнюдь не собственное желание. Наша семья жила в это время на новой, вновь приобретенной ферме, в округе Сан-Матео, на берегу унылого, печального залива к югу от Сан-Франциско. Это была дикая местность, с примитивными условиями жизни. Помню, мать с гордостью говорила о том, что мы — представители старинного американского рода, а не какие-нибудь там иммигранты, как наши соседи — итальянцы и ирландцы. В этой местности мы были единственными чистокровными американцами.

Однажды в воскресенье я очутился, не помню как и зачем, на ранчо у наших соседей, ирландцев Морриси. Там было много молодежи с соседних ферм, а также старики, пившие уже с утра, были и такие, что начали пить еще накануне. Морриси представляли собой многочисленную семью: там было много стройных молодых — сыновей и племянников, в тяжелых сапогах, с огромными кулачищами и зычными головами.

Вдруг девушки закричали:

— Дерутся! Дерутся!

Все засуетились, мужчины выбежали из кухни. Два полуседых великана, покрасневшись, обхватив друг друга, топтались на месте.

Одного звали Черный Мэт. О нем говорили, будто он убил уже двух человек. Женщины ахали, кричали,

в ужасе закрывали лицо руками, шептали молитвы, но не переставали сквозь сложенные пальцы смотреть на борющихся. Но, могу сказать, никто не следил за происходящим более внимательно, чем я: ведь мне предстояло увидеть поразительное зрелище — убийство человека! Во всяком случае, драку-то я увижу. Но я был страшно разочарован! Черный Мэт и Том Моррисси только сжимали друг друга в объятиях и топтались на месте, топая огромными ногами, обутыми в неуклюжие сапоги: они напоминали танцующих слонов. Для драки они оба были слишком пьяны. Наконец их успокоили и увели в кухню, где они ознаменовали восстановленную дружбу новой выпивкой.

Скоро в кухне стали раздаваться громкие голоса и смех. Так разговаривают и смеются люди со здоровыми легкими. Виски развязало языки молчаливым фермерам. Я встал на цыпочки и, преодолевая страх, который побуждал меня бежать прочь без оглядки, с любопытством заглянул в кухню, чтобы посмотреть, как ведут себя взрослые. Я очень удивился, увидев Черного Мэта и Тома Моррисси: они обнялись, навалившись на стол, и обливались слезами.

Выпивка продолжалась своим чередом, и собравшиеся во дворе девушки стали все больше беспокоиться. Они знали, к чему ведет пьянство, и, предчувствуя неладное, хотели уйти пораньше подобра-поздорову, пока еще ничего не случилось; они собрались пойти за четыре мили на итальянскую ферму, где надеялись потанцевать.

Молодежь разбилась на пары, и каждый парень отправился со своей «дамой сердца» — семилетние мальчишки обычно бывают лучше всех осведомлены в амурных делах своих соседей. Мне тоже определили даму: маленькую ирландку, мою ровесницу. Мы были

единственными детьми во всей этой компании. Впрочем, там не было никого старше двадцати, а девушкам — по четырнадцать—шестнадцать лет. Я и моя дама возбуждали у взрослых покровительственное отношение. Я вел ее под руку, а иногда даже брал за талию, как мне советовали старшие. Хотя так идти было неудобно, я все же испытывал гордость от сознания, что я тоже мужчина и что у меня есть «дама».

Итальянское ранчо было населено исключительно холостяками, и поэтому нам там очень обрадовались. Всем дали красного вина и моментально убрали столы из большой столовой, чтобы можно было танцевать. Молодые люди пили вино и танцевали под аккордеон.

Музыка казалась мне божественной: я еще никогда не слышал лучшей. Молодой итальянец, игравший на аккордеоне, и сам иногда пускался в пляс, при этом не переставая держать аккордеон в руках, за спиной своей девушки. Я не принимал участия в танцах, но не виданное мной никогда зрелище доставляло мне истинное наслаждение. После танцев ирландцы тоже стали пить. Шум и веселье не прекращались. Некоторые из танцоров пошатывались, падали на пол, а один даже заснул в уголке.

Некоторые девушки выражали недовольство и порывались уйти, другие же стали еще веселее прежнего, хохотали и, кажется, ждали, чтобы что-нибудь случилось.

Хозяева-итальянцы предложили вина и мне, но я отказался. Я еще слишком хорошо помнил опыт с пивом, чтобы у меня появилось желание повторить это с вином. Но тут один молодой итальянец, видя, что я сижу в одиночестве, из озорства налил полстакана вина и протянул его мне. Я опять отказался. Он на-

хмурился и, сердито глядя на меня, протянул мне стакан. Я страшно испугался. Сейчас я объясню вам причину моего страха.

Дело в том, что у моей матери были кое-какие теории; к их числу относилась и та, что все черноволосые и черноглазые люди коварны. Нет нужды объяснять, что сама она была блондинкой. Кроме того, она считала, что черноглазые латинские народы очень легко возбуждаются, очень вероломны и что для них убить человека ничего не стоит. Я еще смотрел на мир ее глазами, а она часто рассказывала, что если итальянца обидеть, даже нечаянно, то он всадит вам нож в спину. Это буквальные ее слова: «нож в спину».

Еще утром я сгорал от желания увидеть, как Черный Мэт убьет Тома Морриса, но теперь я был далек от желания доставить удовольствие танцорам, которые увидели бы меня с ножом, торчащим из моей спины. В ту пору я не знал еще разницы между теорией и практикой, и мнение моей матери об итальянцах было для меня свято. Да и сам я кое-что слышал о законах гостеприимства, которые нельзя нарушать. Вспыльчивый и жестокий итальянец гостеприимно угощал меня вином. Ясно, что, если я не приму его угощения, он обидится и всадит в меня нож, как лошадь непременно лягнет копытом, если подойти к ней сзади. Глаза у этого итальянца (его звали Питер) были именно такие страшные и черные, как их описывала моя мать; у нас в семье глаза у всех были серые или голубые, а у ирландцев, которых я знал, — бледные и добродушные. Питер, по-видимому, выпил порядочно: глаза его сверкали черным коварством. В них была тайна, неизвестность, а мне было только семь лет, и разве я мог постигнуть их жуткие намерения? Я увидел в них смерть и отклонил предложенное мне

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Перевод В. Азова 5

ДОРОГА

Признание. Перевод Р. Гальпериной 241

Держись! Перевод Р. Гальпериной 260

Картинки. Перевод Р. Гальпериной 283

«Замели». Перевод А. Степанова 299

Исправилка. Перевод А. Степанова 317

Бродяги, которые проходят ночью

Перевод А. Степанова 335

Беспризорные мальчишки и бродячие коты

Перевод А. Степанова 358

Две тысячи бродяг. Перевод А. Степанова 376

«Быки». Перевод Р. Гальпериной 392

Лондон Дж.

- Л 76 Джон Ячменное Зерно. Дорога : повесть, рассказы / Джек Лондон ; пер. с англ. В. Азова, Р. Гальпериной, А. Степанова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-23050-7

Джек Лондон, классик американской и мировой литературы, известен прежде всего как автор приключенческих произведений. Его романы и повести об увлекательных и рискованных странствиях, о сильных, целеустремленных и благородных людях по-прежнему пользуются успехом у читателей. Во многом творчество Джека Лондона автобиографично: на его долю выпало немало испытаний и лишений, он сменил множество профессий: был золотоискателем, матросом, журналистом... Он откровенно поделился с читателями фактами собственной биографии, в частности в знаменитой повести «Джон Ячменное Зерно» и в цикле очерков «Дорога». «Джон Ячменное Зерно» (1913) — горькая и беспощадная исповедь, рассказывающая о пристрастии писателя к алкоголю на разных жизненных этапах, с детских лет до зрелого возраста. В цикле «Дорога» (1907) Джек Лондон рассказывает о своей юности, когда он бродяжничал по Америке и даже попал за это в тюрьму. Признаваясь в автобиографических произведениях в нелицеприятных поступках, он в то же время говорит о том, что и этот жизненный опыт был ненапрасным, а научил лучше понимать людскую природу.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ЛОНДОН
ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО
•
ДОРОГА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.04.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AKB-31999-01-R